

Проблемы правового социализма

(Либерализмъ и социализмъ).

Критическое разсмотрѣніе практическихъ требованій и идеологическихъ основъ новаго либерализма затрудняется не только тѣмъ, что требованія эти въ большей части до сихъ поръ еще не осуществлены въ дѣйствительности, но и тѣмъ, что, какъ это ни странно, они до сихъ поръ не подвергались подробному и обстоятельному критическому анализу. Анархическая и социалистическая критика, даже въ лицѣ своихъ болѣе вдумчивыхъ и свободныхъ отъ демагогіи представителей, въ сущности игнорируетъ новый либерализмъ, продолжая оправдывать свои положительныя ученія критикой нынѣ существующихъ капиталистическихъ учреждений и принциповъ правовѣрнаго либерализма. Вопросъ, разрѣшаетъ ли новый либерализмъ выдвигаемую современнымъ строемъ проблему, и, слѣдовательно, можетъ ли эта послѣдняя быть разрѣшена правовыми средствами въ предѣлахъ реформированнаго правового государства, — вопросъ этотъ въ сущности не подвергался обстоятельному и вдумчивому изслѣдованію. Самый новый либерализмъ не представлялся какъ особый этапъ въ развитіи правового государства, и къ нему со стороны его противниковъ установилось заранѣе предвзятое отношеніе, какъ къ внутренне противорѣчивой попыткѣ укрѣпить современный общественный строй частичными, у социализма заимствованными уступками.

Что такой взглядъ на новый либерализмъ глубоко невѣренъ, — это, думается, въ достаточной мѣрѣ показано въ предыдущей статьѣ (см. № 22 С. 3.). Пусть новый либерализмъ — продуктъ социалистической критики либерализма. Въ еще большей мѣрѣ онъ — продуктъ основного зла современнаго общественнаго строя, которое онъ пытается устранить, и которое породило самый социализмъ. Во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно не укрѣпляетъ, а существенно измѣняетъ существующій порядокъ. Кроме того, происхожденіе его отъ либерализма несомнѣнно нало-

жило на него свой отпечатокъ. Его вѣрность завѣтамъ правовѣрнаго либерализма на дѣлѣ значительно превосходитъ ту вѣрность идеѣ правового государства, которую мы старались вскрыть. Въ дѣйствительности онъ гораздо болѣе эклектиченъ и гораздо болѣе отдастъ дань не только принципамъ правовѣрнаго либерализма, но и его предрасудкамъ, чѣмъ это могло показаться изъ нашего изложенія. Въ слишкомъ многомъ остается онъ еще на полпути: продуманный до конца, онъ несомнѣнно долженъ притти къ выводамъ, уже вполноту приближающимся къ тому, что составляетъ реальное содержаніе большинства программъ современныхъ социалистическихъ партій.

Въ самомъ дѣлѣ, уже развиваемое имъ *понятіе собственности* обнаруживаетъ въ своихъ практическихъ выводахъ безспорную половинчатость, которая, быть можетъ, вполнѣ оправдывается, поскольку рѣчь идетъ о практической программѣ сегодняшняго дня, но не можетъ быть обоснована принципіально. Новый либерализмъ отрицаетъ монопольную собственность и вытекающій изъ нея доходъ — ренту, «незаработанный» характеръ коей есть симптомъ полнаго вырожденія идеальной связи между лицомъ и вещью, между тѣмъ какъ наличіе ея единственно только и оправдываетъ право собственности. Онъ правъ, поскольку *для настоящаго момента* ограничивается требованіемъ «обобществленія» ренты (при сохраненіи права собственности) въ наиболѣе одіозныхъ случаяхъ, гдѣ собственность явно утратила активный характеръ отношенія между лицомъ и вещью и стала даже помѣхой экономическому творчеству. Но онъ не правъ, поскольку *принципіально* отрицаетъ возможность далѣйшаго процесса «соціализаціи» собственности въ установленномъ выше смыслѣ. Дѣло въ томъ, что понятіе ренты, которое уже въ новомъ либерализмѣ существенно видоизмѣнилось по сравненію съ ученіемъ о рентѣ классической политической экономіи, въ современной хозяйственной дѣйствительности все болѣе и болѣе утрачиваетъ свой опредѣленный и рѣзко отличный отъ «прибыли» характеръ. Для Рикардо представлялось само собою очевиднымъ, что различныя по качеству земельные участки даютъ различный доходъ, тогда какъ прибыль съ капитала неизмѣнно стремится къ одинаковому уровню (положеніе объ абсолютной «ликвидности капитала»). Съ обѣихъ сторонъ

современная действительность опровергает это положение. Сь одной стороны, прибыль какъ бы все болѣе «рентнизируется»: не только въ различныхъ отрасляхъ производства, но въ одной и той же отрасли промышленности различныя предприятия даютъ различную прибыль, причѣмъ разница эта отнюдь не можетъ быть объяснена различіемъ въ предпринимательскомъ талантѣ руководителя предприятия. Здѣсь играетъ роль и мѣстоположеніе предприятия и характеръ окружающей социальной среды и общія условія рынка, цѣлая совокупность обстоятельствъ, придающихъ данному предприятию качественно отличный характеръ отъ другихъ предприятий того же рода и аналогичныхъ тѣмъ качественнымъ различіямъ между земельными участками, которымъ классическая политическая экономія вмѣняла образованіе ренты. Сь другой стороны, интенсификація земледѣлія и развитіе путей сообщенія дѣлаютъ качественныя различія между отдѣльными земельными участками все менѣе существенными и какъ бы производятъ ренту въ земледѣліи все болѣе и болѣе къ одному уровню. Этимъ и объясняется примѣчательный фактъ, что обрабатывающая промышленность, которая, по теоріи классической экономіи, даетъ только прибыль, сплошь и рядомъ обнаруживаетъ большія различія въ доходности, чѣмъ добывающая промышленность и земледѣліе, дающія по той же теоріи прибыль плюс ренту (напр. рафинадная промышленность и свеклосахарное производство). Поэтому современные экономисты (у насъ въ Россіи уже А. Миклашевскій и многіе особенно П. Б. Струве) отрицаютъ возможность разграниченія ренты и прибыли. Въ невозможности этого разграниченія П. Б. Струве справедливо видитъ основную причину ошибочности всей теоріи т. н. «движенія земельной реформы»*).

То понятіе ренты, которое, исходя изъ понятія монополии, развиваетъ новый либерализмъ, тоже вызываетъ рядъ серьезныхъ возраженій. Развитое американскими экономистами понятіе «потенціальной», или скрытой конкуренціи подвергаетъ сомнѣнію монополичный характеръ трестовъ (чѣмъ отнюдь не оспаривается, разумѣется,

*) См. П. Струве. Хозяйство и цѣна. Ч. II, В. I, М. 1916, особ. стр. 96 сл. (тамъ же литерат. вопроса). Срв. также Э. Зелигманъ. Основы полит. экон. (р. пер. 1908 г.), гл. 24.

правовая необходимость борьбы съ ними)*). Безспорно, конечно, наличие ренты въ случаѣ собственности на земельный участокъ, внезапно поднявшійся въ цѣнѣ вслѣдствіе роста города, проведенія новаго пути сообщенія или другого измѣненія конъюнктуры: здѣсь наличие особой, отличной отъ прибыли «цѣнной разности» несомнѣнно. А въ случаѣ пустующей земли, намѣренно удерживаемой отъ застройки, совершенно очевидно также, что эта «цѣнная разность» должна быть «вмѣнена» на капиталъ, а отношенію качества земельного участка къ совместной дѣятельности всѣхъ въ созданной хозяйственной конъюнктурѣ, т. е. «обществу». Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что пустующій земельный участокъ не только не есть поприще хозяйственнаго творчества собственника, но, напротивъ, намѣренно изымается изъ сферы хозяйственной активности и представляетъ собою типичный случай вырождающагося отношенія лица къ вещи. Но такая же «цѣнная разность» реализуется собственникомъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ собственности не на «землю», а на «капиталъ»: въ силу измѣнившейся хозяйственной конъюнктуры, вызванной или стихійнымъ бѣдствіемъ, претерпѣваемымъ всѣмъ обществомъ, или совокупной дѣятельностью всего общества, можетъ измѣниться «само собою» и качественное отношеніе данного капитала къ цѣлокупности «хозяйства», что и отразится неожиданнымъ приростомъ его цѣнности. Если новый либерализмъ съ точки зрѣнія своего понятія собственности, какъ творчески-активнаго отношенія лица къ вещи, считаетъ возможнымъ и должнымъ «обобществленіе» прироста цѣнности на землю, то онъ, будучи послѣдовательнымъ, долженъ распространить его и на всякій аналогичный приростъ цѣнности. Въ рѣзкомъ случаѣ военной сверхприбыли это и было признано представителями новаго либерализма. *Между рентой и прибылью нѣтъ такимъ образомъ принципиальнаго различія.* Если неприкосновенность «ренты» не только не вытекаетъ изъ права частной собственности, но напротивъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ противорѣчитъ этой послѣдней, понятой какъ активно-творческое отношеніе лица къ вещи, то въ цѣломъ рядѣ все умножающихся случаевъ не можетъ

*) Срв. *Зелигманъ*, тамъ-же, § 110. Также Clark. *Principles...*

почитаться неприкосновенной и принципиально не отличимая от ренты «прибыль».

Къ собственности вполне примѣнимо то самое разсужденіе, которымъ новый либерализмъ обосновываетъ право на трудъ. Какъ несправедливо, чтобы въ случаѣ стихійнаго бѣдствія (общаго кризиса и т. д.), постигшаго все общество, а тѣмъ паче въ случаѣ частичнаго кризиса, вызваннаго техническимъ усовершенствованіемъ и идущаго на пользу всему обществу, вся тяжесть бѣдствія или бремя преобразованія ложилась на тѣхъ, кто явно не по своей винѣ лишился заработка, точно такъ же несправедливо, чтобы «цѣнная разность», получающаяся въ результатѣ совмѣстной дѣятельности всего общества и тѣмъ паче вслѣдствіе переживаемаго всѣмъ обществомъ бѣдствія, присваивалась собственникомъ капитала, содѣйствуя тѣмъ самымъ вырожденію какъ творчески-активнаго отношенія лица къ вещи, такъ и необходимой для хозяйства функціи послѣдней.

Я отношусь не хочу этимъ оспаривать самого понятія частной собственности, выдвигаемаго новымъ либерализмомъ. Напротивъ, въ слѣдующей главѣ, когда будетъ идти рѣчь о марксистскомъ социализмѣ, я покажу, почему оно представляется мнѣ единственно правильнымъ. Я только усматриваю половинчатость и необоснованное суженіе вопроса, когда — *не для настоящаго момента, а принципиально* — новый либерализмъ, въ томъ числѣ и движеніе «земельной реформы», сводитъ вытекающее изъ новаго пониманія собственности ея преобразование къ «обобществленію» земельной ренты и ренты, проистекающей изъ хозяйственной монополіи (трестированія). Суть дѣла въ томъ, что собственность нынѣ, оставаясь частной, все болѣе и болѣе социализуется, т. е. становится функціей хозяйственной жизни общества въ цѣломъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и доходъ отъ собственности включаетъ въ себя различную въ разныхъ предпріятіяхъ, но все увеличивающуюся въ общемъ долю «цѣнной разности», которая, подобно рентѣ классической экономіи, получается «сама собою» — вслѣдствіе измѣненія отношенія между данной собственностью и всей системой народнаго хозяйства *въ цѣломъ*, — измѣненія, получающагося въ результатѣ культурной дѣятельности всего общества или стихійныхъ бѣдствій, имъ претерпѣваемыхъ, совершенно аналогично тому какъ и земельная рента, по теоріи Ри-

кардо, получалась какъ продуктъ отношенія даннаго участка земли къ совокупности всѣхъ земельныхъ участковъ и измѣнялась въ результатѣ или расширенія площади обрабатываемой земли и развитія путей сообщенія, благодаря совмѣстной дѣятельности общества въ цѣломъ, или сокращенія ее въ силу тѣхъ или иныхъ стихійныхъ причинъ, этимъ обществомъ претерпѣваемыхъ*). Дж. Ст. Милль, исходившій въ своихъ построеніяхъ изъ этой теоріи ренты, былъ правъ, когда ограничивался требованіемъ ее обобществленія. Но такъ какъ нынѣ эта теорія уже не соотвѣтствуетъ новымъ хозяйственнымъ фактамъ, новый либерализмъ именно для того, чтобы остаться вѣрнымъ идеѣ своего родоначальника, долженъ выйти за свои собственные предѣлы.

Утверждая наличие внутри частной собственности момента «общности» и возрастаніе значенія послѣдняго, что обнаруживается между прочимъ въ видоизмѣненіи ренты, становящейся существенной долей прибыли, мы отнюдь не думаемъ, что новый либерализмъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ вывести отсюда необходимость обобществленія частной собственности въ коммунистическомъ или коллективистическомъ смыслѣ этого слова. Онъ правильно не дѣлаетъ этого для земельной собственности, остающейся даже и при «обобществленіи» ренты собственности на капиталъ, тѣмъ болѣе, что обобществленная въ обычномъ смыслѣ собственность или разлагается или становится, какъ мы увидимъ далѣе, опять частной съ вновь противостоящимъ ей и заключающимся въ ней моментомъ «общности». Я хотѣлъ бы только подчеркнуть, что то «опутываніе» частной собственности требованиями общественнаго характера (вплоть до обобществленія вмѣняемой «моменту общности» части дохода), которое новый либерализмъ принимаетъ для земельной и монопольной собственности, приносящей ренту, не

*) Интересно, что и общее понятіе цѣнности претерпѣваетъ въ политической экономіи нынѣ аналогичное измѣненіе. Поскольку оно не отрицается въ пользу понятія цѣны (П. Б. Струве), оно все болѣе и болѣе осознается какъ *отношеніе* даннаго блага къ общей *цѣлокупности* хозяйственныхъ благъ общества. Въ направленіи этого пониманія идутъ и представители математической школы (срв. Л. Юровский, Очерки по теоріи цѣнности. Саратовъ, 1918) и т. наз. универсалистическое направленіе (срв. O. Spann, Fund. d. Volkswirtschaftslehre 1920)..

может принципиально ограничиваться этими видами собственности. Больше того: в ново-либеральном понимании собственности, как активно-творческом отношении лица к вещи, мы видим только оборотную сторону отмеченного процесса ее действительного, а не мнимого обобществления. В самом деле, обобществление «незаслуженного прироста ценности», как наиболее яркой вид упомянутого «опутывания» частной собственности, имеет своим подлинным мотивом и своей оборотной стороной укрепление и восстановление активно-творческой связи между собственником и вещью, которая без него вырождается в чисто пассивное отношение, извлекающее собственность от ее назначения быть поприщем хозяйственного творчества. Поэтому можно сказать, что *чем больше собственность «обобществляется»* в указанном смысле опутывания ее требованиями общества, соответствующем фактически происходящему процессу все большего пронизывания ее моментом «общности», *тем больше она одновременно и индивидуализируется*, т. е. тем напряженнее становится творчески-активная связь, существующая между вещью и собственником. И обратно: чем меньше индивидуальна связь собственника с вещью, чем больше пассивна она и вышше механична, тем больше и антисоциальна данная собственность. Поэтому Лассаль был глубоко прав, когда говорил, что «das Eigentum ist Fremdtum geworden»,*) поскольку действительно во всякой собственности — и чем дальше, тем больше — просвечивает противостоящей ей и вместе с тем заключающийся в ней момент «чуждости», или «общности».

Из современных авторов прямой характер отношения между процессом социализации и процессом индивидуализации собственности первым ясно увидел (пожалуй, только Дюги*). На фоне общераспространенного предразсудка, что индивидуализация и социализация противоречат друг другу, это составляет его бесспорную и немаловажную заслугу. Замечательно, однако, что для этого Дюги счел себя вынужденным отказаться от идеи либерализма и от самой идеи права собственности, как одного из видов субъективных личных прав, и восстановить позитивистическое (в смысле

*) В «Herr Bastiat — Schulze v. Delitzsch».

Ог. Конта) пониманіе собственности, какъ только общественной функціи. Намъ кажется, что эта теорія менѣе всего способна обосновать желательные самому Дюги практическіе выводы, которые въ общемъ во всемъ почти совпадаютъ съ такими же выводами новаго либерализма*) и скорѣе должна привести къ авторитарическому социализму въ духѣ возрожденнаго сенъ-симонизма. Но не случайно Л. Дюги свою теорію «соціальной взаимозависимости» противопоставляетъ ученіямъ новаго либерализма, въ которомъ онъ также видитъ лишь эклектическую попытку сочетать по существу разнородные принципы либерализма и социализма. Дѣйствительно, новый либерализмъ воспріялъ отъ классическаго не только его идею, но и слишкомъ много еще его ограниченныхъ и устарѣлыхъ элементовъ. Онъ не вполнѣ еще освободился отъ механическаго воззрѣнія на общество, въ которомъ и Дюги справедливо видитъ основное заблужденіе либерализма. На понятіе монополярной собственности новаго либерализма это видно особенно наглядно.

Въ самомъ дѣлѣ, для классическаго либерализма общество, какъ цѣлое, представлялось не чѣмъ инымъ, какъ агрегатомъ сталкивающихся между собой и единственно реально существующихъ «индивидуальныхъ» атомовъ — хозяйственныхъ субъектовъ. Реальность общества, какъ такового, исчерпывалась для него этой *конкуренціей* субъектовъ между собою. Последняя мыслилась имъ какъ единственно реальная общественная связь, какъ единственное, что объединяетъ субъектовъ въ общество. Поскольку понятіе частной собственности онъ мыслилъ сопряженіемъ съ понятіемъ конкуренція, и онъ, какъ мы видимъ, признавалъ наличіе въ частной собственности просвѣчивающаго въ ней момента общественности. Конкуренціей держалась, ею оправдывалась идея собственности, ею обезпечивался ея общественный характеръ. Причина противопоставленія частной собственности общественной заключалась такимъ образомъ въ механическомъ и узкомъ пониманіи «общества», какъ только

**) Кроме цит. выше сочиненій срв. особ. L. Duguit, *Les transformations generales du Droit privé depuis le Code Napoléon*. 1912 (спец. 6 лекція). Въ иныхъ терминахъ въ самое новѣйшее время тотъ же взглядъ высказываетъ и O. Spann: *Der Wahre Staat*. 1920.

конкуренции, хотя самый этот, узко понятый, момент общности формально и мыслился в идее частной собственности. Половинчатость нового либерализма и его ограниченность в том, что он не освободился в полной мере от следов механической концепции общества своего предшественника. Поэтому свое новое, правильное понимание собственности он и продолжает связывать с той же идеей конкуренции, ограничиваясь борьбой с монопольной собственностью, по его мнению, конкуренцию исключающей. Движение «земельной реформы», считая, вслед за Родбертусом (учение об «абсолютной ренте»), всю землю, в силу ее принципиальной скудости, изъятую из конкуренции, по тому же мотиву требует обобществления земельной ренты вообще. Я отнюдь не отрицаю факта конкуренции, также как и ее положительного, подлинно общественного характера. Вместе с новым либерализмом я полагаю, что конкуренция в хозяйственной жизни должна быть не отменена, а облагорожена, поднята на высшую ступень, что одновременно поведет и к большей индивидуализации собственности*). Я только полагаю, что изъятие из конкуренции, т. е. (выражаясь термином Дюги) рост «взаимозависимости» в хозяйственной жизни есть не противостоящий, а параллельный эволюции самой конкуренции процесс, и что потому «социализация» остающейся частной и даже все более индивидуализирующейся собственности отнюдь не должна ограничиваться случаями спорной с экономической точки зрения монопольной собственности. Когда практические требования для выдвигали необходимость разрушения феодальных общественных связей было позволительно конимать общество внутри себя существенно безсвязным, спаянным одной только элементарной связью «конкуренции». Но лишь игнорировать существующую на ряду с конкуренцией и обуславливающую эволюцию последней «взаимозависимость» внутри общественного блага нет оснований. Взаимозависимость эта растет, она проявляется между прочим и в невозможности противопоставления монопольной собственности собственности, не изъятую из конкуренции, и «ренты» — «прибыли». Общественный момент» составляет

*) Об облагорожении конкуренции и связанномъ съ нимъ ростъ личной свободы срв. *Зелигманъ*, ц. соч. гл. X.

во все возрастающей степени самое существо частной собственности. И потому неправильно по прежнему противопоставлять социализацию индивидуализации собственности и *принципiально*, какъ это дѣлаютъ представители новаго либерализма, противиться неизбежному, только отражающему самое хозяйственную дѣйствительность, процессу опутыванiя правомъ также и монопольной собственности. Я подчеркиваю «принципiально», ибо практическое обсужденiе умѣстности въ данный моментъ того или иного шага правового опутыванiя собственности, его цѣлесообразности, экономической дозволенности и т. п. прямо требуется самымъ методомъ правовой «социализации» собственности.

Остатками того же механическаго взгляда на общество объясняется и вторая ограниченность новаго либерализма, именно *недостаточное признанiе имъ реальности коллективныхъ лицъ*. Процессъ роста «взаимозависимости», или изъятiя изъ конкуренцiи, совершающiйся параллельно процессу облагораживанiя и роста этой послѣдней, привелъ въ настоящее время къ такому разслоенiю и консолидации общества, которое не укладывается ни въ либеральную концепцiю общества, какъ агрегата отдѣльныхъ физическихъ лицъ, ни въ противостоящую ей марксистскую концепцiю его, какъ растущаго противоборства двухъ взаимно исключаящихъ другъ друга, но внутри себя изъ однородныхъ атомовъ составленныхъ классовъ. Отдѣльные лица все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто общественнымъ союзамъ самаго разнообразнаго типа, представляющимъ собою нѣчто существенно большее нежели простую совокупность лицъ, объединенныхъ одинаковыми интересами. Изъ такихъ первоначально чисто механическихъ объединенiй союзы эти все болѣе консолидируются въ устойчивыя организмы, которые, подобно отдѣльнымъ лицамъ, имѣютъ свою традицiю, свою отличную отъ входящихъ въ нихъ лицъ волю, свое определенное назначенiе въ обществѣ, или свою объективную функцiю. Сюда относятся въ современной Англiи, напр., изъ нехозяйственныхъ союзовъ церкви различныхъ исповѣданiй, университеты, просвѣтительныя ассоциаци, а изъ хозяйственныхъ — трэдъ-юнионы, кооперативы и т. д. Все эти союзы отнюдь не являются простой совокупностью объединенныхъ *одинаковыми интересами* лицъ, какъ, напр., даже церковь мыслило большинство представителей фран-

цузского ново-либерализма. Нѣтъ, они являются носителями нѣкоторой сверхличной задачи-идеи, которая объединяетъ входящихъ въ нихъ лицъ не одинаковостью интересовъ, а *общностью служенія одной и той же объективной задачь*, общностью выполненія одной и той общественной функціи. Конечно, этотъ процессъ превращенія прежняго профессиональнаго союза-агрегата, возникшаго первоначально ради защиты одинаковыхъ субъективныхъ интересовъ отдѣльныхъ своихъ членовъ въ союзъ-общность, являющійся носителемъ объективнаго культурнаго интереса, или сверхличной культурной цѣнности, далеко не закончился. Даже въ Англии, гдѣ процессъ этотъ зашелъ дальше всего, онъ въ извѣстной мѣрѣ переживаетъ еще только свою первую стадію. Различные союзы стоятъ въ этомъ отношеніи на разныхъ степеняхъ своего развитія, своей консолидаціи въ коллективную личность и соответственно этому достигли разныхъ ступеней своего самосознанія. Какъ отдѣльныя личности достигаютъ различныхъ ступеней свободы и личнаго бытія, такъ и коллективная личность общественнаго союза имѣетъ *степени своего осуществленія**). Но процессъ этотъ бесспорно идетъ впередъ, и мы можемъ сказать, что мы вступаемъ нынѣ въ эпоху борьбы коллективныхъ личностей за свое призваніе какъ въ области правовой, такъ и въ области экономической. Значеніе т. наз. гильдейскаго социализма и заключается въ томъ, что онъ является выразителемъ этого новаго самосознанія выросшихъ въ личности общественныхъ союзовъ. Основнымъ тезисомъ всей его социальной теоріи и является поэтому различіе союзовъ-агрегатовъ и союзовъ-общностей и утвержденіе возростающаго хозяйственнаго и культурнаго значенія послѣднихъ, должнствующихъ быть закрѣпленными и въ соответствующихъ правовыхъ формахъ**). Въ этомъ только смыслѣ и говорить онъ о «возрожденіи гильдій»: въ эпоху своего развитія въ средніе вѣка гильдіи были также прежде всего носителями *объективнаго* хозяйственнаго интереса, нѣкоторой сверхличной хозяйственной или

*) Срв. «Основы педагогики» гл. 13, § 3.

***) Срв. особ. G. D. H. Cole, Social Theory, 1920, стр. 79 сл. также *его же* The World of Labour, гл. XII, The future of Trade-Unionism. Ср. наши «Основы педагогики», гл. VII, § 6.

культурной цѣнности, служеніе которой почиталось общей задачей всей гильдіи. Въ интересахъ наилучшаго выполненія гильдіей въ цѣломъ ея общественной функціи, ея культурнаго назначенія, гильдія слѣдила за качествомъ продуктовъ, за распорядкомъ работы, за количествомъ и цѣною выдѣляемаго товара. Охрана объективныхъ интересовъ самого дѣла стояла на первомъ планѣ, и въ мѣру се охраны ограждала гильдія также и одинаковые интересы своихъ членовъ. Порталь средневѣковаго собора съ фигурами святыхъ — патроновъ соответствующей гильдіи свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что каждая гильдія мыслилась какъ индивидуальное, незамѣнимое въ цѣлостности общества *лицо*, какъ коллективная личность въ подлинномъ смыслѣ этого слова.

Признаніе реальности коллективныхъ лицъ отнюдь не означаетъ отрицанія такой же реальности лицъ физическихъ. Ограниченность новаго либерализма заключается, на нашъ взглядъ, не въ томъ, что онъ продолжаетъ защищать унаслѣдованный имъ отъ своего предшественника индивидуализмъ, а въ томъ, что онъ понимаетъ этотъ послѣдній слишкомъ узко, не рѣшаясь распространить его и на выросшіе до степени коллективныхъ личностей союзы. Коллективныя личности не лучше физическихъ лицъ, но они и не хуже послѣднихъ. Рѣчь идетъ не о замѣнѣ индивидуализма коллективизмомъ, а о *расширеніи принципа индивидуализма*. Подобно физическимъ, и коллективныя лица могутъ достигать различныхъ ступеней творческой активности, или индивидуальности. Какъ и первыя, они не только могутъ требовать своей правовой охраны, но и нуждаются въ собственности, какъ въ матеріальномъ поприщѣ своей дѣятельности. Въ зависимости отъ степени ихъ личности, отношеніе ихъ, какъ лицъ, къ своей собственности можетъ достигать разныхъ степеней творческой напряженности. Поэтому характерное для новаго либерализма принципиально отрицательное отношеніе къ коллективной собственности, т. е. къ собственности коллективныхъ лицъ, представляется намъ несобнованнымъ остаткомъ стараго механическаго взгляда на общество, признающаго единственно реальными физическія лица.

Я отнюдь не считаю, что коллективная собственность, т. е. собственность, принадлежащая коллективному лицу, — будутъ ли эти лица — союзы потребителей производи-

мыхъ продуктовъ (каковыми въ хозяйственномъ отношеніи являются и территоріальныя союзы гражданъ — города, земства, области и даже государства) или союзы производителей (трайб-юніоны, сельскія кооперативныя организаціи и т. д.), — безусловно и принципиально лучше собственности, принадлежащей т. наз. частнымъ лицамъ. И та и другая собственность остается по существу собственностью частной, и, какъ выше выяснено, подлинная ее «соціализація» заключается не столько въ замѣнѣ частнаго собственника коллективнымъ, сколько во внутренней пронизанности ея моментомъ «общности», во все большемъ правовомъ опутываніи ея (вплоть до обобществленія вмѣняемой обществу части дохода), что одновременно ведетъ и къ большей индивидуализаціи ея благодаря повышенію и усиленію творчески активной связи между собственникомъ и принадлежащей ему вещью. Я только утверждаю, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ является достиженіе коллективными лицами сравнительно высокой степени личнаго бытія, коллективная частная собственность можетъ оказаться выше собственности «индивидуальной». Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ производствъ только такая собственность сможетъ выдержать непрерывно все дальѣе и дальѣ идущій процессъ ея «соціализаціи» въ установленномъ выше смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ этотъ имѣетъ въ существѣ своемъ двухсторонній характеръ: съ одной стороны, моментъ «общности», присутствующій всякой частной собственности, какъ мы это видѣли даже не примѣръ собственности въ классически-либеральномъ пониманіи, начинаетъ просвѣчивать и выступать въ ней все болѣе ярко. Собственность (Eigentum) становится все болѣе и болѣе общностью (Fremdtum). Съ другой стороны, «обобществляемая» такимъ образомъ собственность становится все болѣе частной въ смыслѣ индивидуальной, т. е. связь лица съ вещью становится въ ней все болѣе напряженной, или творчески-активной. При этомъ первый процессъ усиленія момента общности въ собственности протекаетъ двояко: собственность все болѣе опутывается правовыми нормами (отрицательно-запретительнаго и положительно-побудительнаго характера), все болѣе пронизывается правомъ, «оправовляется». Въ ней все болѣе проявляется «общность воли» такъ, какъ ее мыслилъ Руссо: не какъ количественно только отличная

отъ «частной воли» «воля всѣхъ», а какъ обладающее общей цѣнностью *качествование* воли, какъ ея объективность и цѣлостность, которая въ равной мѣрѣ можетъ отличать и волю отдѣльнаго человѣка и волю собранія*). Въ частности сюда относится и обобществленіе «ренты», какъ вмѣняемой обществу доли дохода. Съ другой стороны, усиленіе момента общности означаетъ и приведеніе собственности во все большее соотвѣтствіе съ удовлетворяемой ею хозяйственной потребностью: она *объективируется*, или обобщается также и постольку, поскольку пользование ею становится во все большей мѣрѣ выполненіемъ незамѣнимой общественной функции. Съ постепеннымъ притушеніемъ сокрытаго въ ней въ настоящее время жала эксплуатаціи она изъ орудія производства, являющагося одновременно однако и средствомъ насилія, а часто и факторомъ разрушенія хозяйства и культуры, все болѣе и болѣе становится какъ бы «чистымъ орудіемъ производства». По мѣрѣ того, какъ усиливается активнотворческій характеръ связи ея съ собственникомъ, и она сама пріобрѣтаетъ все болѣе индивидуальный характеръ, т. е. характеръ незамѣнимой въ данномъ мѣстѣ хозяйственно-общественной функции (въ смыслѣ Дюги).

Не трудно предвидѣть, что зашедшій достаточно далеко процессъ социализаціи собственности въ установленномъ смыслѣ неминуемо приведетъ къ естественному *перераспределенію собственности*. Въ предѣлѣ, конечно никогда не достижимомъ, всякая собственность найдетъ того (частнаго или коллективнаго) собственника, которому она должна будетъ принадлежать. Этотъ собственникъ долженъ имѣть къ данной собственности чисто хозяйственный интересъ, она должна служить ему подлиннымъ поприщемъ его хозяйственнаго творчества. Онъ долженъ находиться съ нею въ напряженной активнотворческой связи, видѣть въ ней дѣйствительно матеріальное воплощеніе своего я. Несомнѣнно, что въ цѣломъ рядѣ производствъ, при все повышающейся въ своемъ тонусѣ конкуренціи, при все усиливающейся «социализаціи» и при

*) Только это объективное качествование воли и придавало ей, по мысли Руссо, правовой характеръ. Господство общей воли было для него въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ «*суверенитетомъ права*». Срв. изслѣдованіе Г. Д. Гурвича «Руссо и Декларація правъ».

все возрастающих требованійхъ права къ собственнику, сохранить интересъ къ собственности смогутъ только коллективныя лица — или союзы потребителей (муниципалитеты, земства, государство) или союзы производителей (традъ-юніоны, сельско-хозяйственные кооперативы). Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ можно согласиться, что коллективизація (при томъ, однако, чрезвычайно разнородная) есть неизбежное слѣдствіе «соціализаціи». При этомъ, однако, коллективизаціи будетъ подвергаться преимущественно или та собственность, которая служитъ орудіемъ массоваго однообразнаго потребленія (болѣе производство «услугъ», чѣмъ «вещей», какъ напр. освѣщеніе, отопленіе, средства сообщенія, что уже въ значительной мѣрѣ имѣетъ мѣсто и сейчас), или тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ рационализація производства достигла своего максимальнаго развитія. Напротивъ, тѣ отрасли производства, въ которыхъ рационализація не достигла степени, исключающей возможность все новыхъ и новыхъ техническихъ и хозяйственныхъ открытій, въ которыхъ вмѣняемая «обществу» доля дохода не получила своей фиксаціи, въ которыхъ поэтому различія въ реализуемой «цѣнности» разности остаются еще значительными, будутъ оставаться ареной хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ индивидовъ или частныхъ ассоціацій-агрегатовъ*). Изъ социалистовъ въ извѣстной мѣрѣ такъ представлялъ себѣ дѣло Сень-Симонъ, полагавшій, что задача заключается не въ уничтоженіи собственности, а въ нахожденіи наилучшаго для нея собственника. Ошибка его, однако, заключалась въ томъ, что онъ это опредѣленіе «настоящаго» собственника предоставлялъ государственной власти въ лицѣ ея высшаго хозяйственно-научнаго органа, что неизбежно приводило къ господству уничтожающаго индивидуальную свободу усмотрѣнія власти, къ подмѣнѣ

*) Аналогичную мысль развиваетъ О. Spann въ своей цит. выше книгѣ «Der Wahre Staat.» — Подтвержденіемъ нашего взгляда о двусторонности процесса социализаціи, являющагося одновременно и процессомъ индивидуализаціи собственности, служитъ то обстоятельство, что въ послѣднее время замѣтно опредѣленное стремленіе коллективныѣхъ собственниковъ (городовъ, земствъ, государства) ввести въ управленіе принадлежащими имъ предприятиями методовъ и принциповъ управленія частными предприятиями. Срв. доклады на 1-мъ междунар. конгрессѣ по организаціи труда въ Прагѣ 1924 г.

органическаго разслоенія общества бюрократической іерархіей и, въ концѣ концовъ, къ признанію государства верховнымъ и абсолютнымъ собственникомъ всѣхъ вещей. Для насъ, напротивъ, перераспределеніе собственности въ направленіи находженія ея наилучшаго собственника есть длительный и въ правовыхъ формахъ протекающій процессъ, факторами котораго являются въ равной мѣрѣ и облагораживающаяся конкуренція (индивидуализація) и параллельно съ ней идущая социализація.

Соображенія, которыя мы привели выше, не привносятъ поэтому ничего принципиально новаго по сравненію съ идеей частной собственности новаго либерализма. Они продумываютъ только до конца эту идею такъ же, какъ связанныя съ нею понятія конкуренціи и социализаціи. И если выводы, къ которымъ мы приходимъ, существенно разнятся отъ выводовъ новаго либерализма, то это потому что послѣдній остается чуждымъ новымъ народившимся въ современномъ обществѣ силамъ и слишкомъ много еще отдаетъ дань предрасудку либерализма о механическомъ строеніи общества.

Возрастающее значеніе въ хозяйствѣ коллективныхъ лицъ неминуюемо, однако, отражается также и въ политической области. Ограниченность новаго либерализма, можемъ мы сказать, существеннымъ образомъ заключается въ томъ, что политическую форму государственной власти онъ слишкомъ еще мыслить въ терминахъ либеральной механической теоріи общества. Правда, понятіе демократіи, какъ мы видѣли выше, претерпѣло у него рѣзкое измѣненіе по сравненію съ тѣмъ же понятіемъ утопическаго либерализма. Демократія не есть болѣе самодержавіе готовой «общей воли», метафизическимъ образомъ всегда совпадающей съ природженными естественными правами отдѣльнаго человѣка, а есть процессъ совокупнаго исканія и созиданія «общей воли», въ которое вовлечено возможно большее число членовъ общественнаго цѣлаго. «Общій интересъ» не существуетъ, какъ нѣчто данное, а непрерывно слагается какъ равнодѣйствующая всѣхъ борющихся въ обществѣ интересовъ, при чемъ меньшинство не должно быть въ этомъ процессѣ односторонне подавлено большинствомъ, а должно получить нѣкоторое, хотя бы частичное признаніе. Въ двухъ отношеніяхъ, однако, въ этомъ пониманіи сохраняются еще слѣды механическаго воззрѣнія на общество: форма этой новой

демократіи мыслится какъ простое чисто количественное расширение числа избирателей, и интересы, которые съ помощью этого расширенного избирательнаго права должны получить свое выраженіе, мыслятся, какъ чисто количественное суммированіе субъективныхъ интересовъ отдѣльныхъ атомовъ-гражданъ. Отсюда глубокое внутреннее противорѣчіе между задачей демократіи, какъ ее понимаетъ новый либерализмъ, и фактической дѣйствительностью. На дѣлѣ, какъ прекрасно показано еще М. Острогорскимъ, демократія означаетъ нынѣ борьбу за власть политическихъ партій, организація которыхъ по способу суммированія наибольшаго числа избирателей приводитъ къ господству партійныхъ комитетовъ. Расширеніе избирательнаго права оказывается неспособнымъ уничтожить тотъ фактъ, что власть въ дѣйствительности продолжаетъ осуществляться меньшинствомъ народа. Попытки замѣны власти побѣдившей на выборахъ партіи системой коалиціи по конкретнымъ частнымъ вопросамъ политической жизни*) хотя и улучшаетъ положеніе, но не разрѣшаютъ «кризиса демократіи», передъ которою все грознѣе встаетъ «опасность неработоспособности» и «диктатуры активнаго меньшинства», замѣняющаго традиционную партійную организацію новой организаціей орденаго типа. Но послѣдняя означаетъ уже рѣшительный отказъ отъ самаго принципа демократіи какъ, созиданія въ процессѣ совокупнаго исканія «общей воли», и принципиальнаго ея «релятивизма», въ которомъ, какъ мы видѣли выше, продолжатъ въ углубленномъ и расширенномъ пониманіи звучать основной мотивъ либерализма — идея свободы.

Ближайшая причина «кризиса демократіи» заключается въ томъ, что выявленіе «общихъ интересовъ» по способу количественнаго собранія отдѣльныхъ избирателей — въ длительныя ли партіи съ «универсальной программой» или въ кратковременные союзы по частнымъ и конкрет-

*) Въ замѣнѣ политическихъ партій съ «универсальной программой» кратковременными группировками избирателей по конкретнымъ частнымъ вопросамъ усматривалъ главный способъ возрожденія современной демократіи М. Острогорскій (срв. *La démocratie et les parties politiques*. Paris. 1911). Заключение, всецѣло раздѣлявшій постольку механически-либеральную концепцію общества.

нымъ вопросамъ — уже недостаточно. Носителями общихъ интересовъ становятся нынѣ во все большей степени также и коллективные лица указанного выше типа, союзы-общности, выражающіе объективные интересы тѣхъ культурныхъ и хозяйственныхъ цѣнностей, которыя служатъ принципами ихъ единства. *Избирательное право должно быть, поэтому*, распространено и на эти коллективные лица, и мы, повидимому, вступаемъ въ эпоху борьбы коллективныхъ лицъ за избирательное право, за признаніе преслѣдуемыхъ ими интересовъ въ процессѣ сложения «общей воли» народа. Мы вполнѣ понимаемъ всю трудность вытекающей здѣсь проблемы опредѣленія избирательнаго ценза этихъ новыхъ избирателей, всю относительность, а подчасъ и неуловимость той грани, которая отдѣляетъ простой союзъ-агрегатъ, преслѣдующій одинаковые интересы своихъ членовъ, отъ союза-общности, преслѣдующаго объективный и общій реальный интересъ культуры. Проблема эта, по трудности своей и неизбежной — особенно въ настоящее время — произвольности рѣшенія, значительно превосходитъ трудность и произвольность, неустранимую при опредѣленіи ценза даже въ наиболѣе «демократическихъ» системахъ личнаго избирательнаго права (возрастной цензъ, цензъ жителства)*). Но что эта проблема вполнѣ созрѣла для того, чтобы приступить къ попыткамъ ея разрѣшенія, — это показываютъ все чаще и чаще раздающіеся голоса въ ея пользу не только изъ лагеря заинтересованныхъ коллективныхъ лицъ (трэдъ-юніоны), но и со стороны представителей науки (Дюги, Шпанъ, Наторп), хозяйства (Ратенау), политическихъ партій стараго образца (Макдональдъ)**). Мы менѣ всего также думаемъ, что представительство «реальныхъ интересовъ» въ состояніи замѣнить собою представительство на основаніи личнаго избирательнаго права: реальности коллективныхъ лицъ, повторяемъ, не отмѣняетъ реальности физическихъ лицъ и ихъ интересовъ. И если, конечно, для настоящаго времени, а можетъ быть и для будущаго, преувеличено считать, что производство есть

*) Сравни статью М. Вишняка въ XVI книжкѣ «Соврем. Записокъ», стр. 345 сл.

***) Natort: Sozialidealismus, 1920. Rathenau: Der neue Staat. Macdonald: Le Socialisme et la Société. 1922 (перидсл. къ франц. изд. стр. 11 сл.).

дѣло однихъ только коллективныхъ лицъ, и что, слѣдовательно, личное представительство есть представительство только интересовъ потребителей (какъ это полагаетъ «гильдейскій социализмъ»), — практическое рѣшеніе вопроса, предлагаемое послѣднимъ и сводящееся къ высказанной еще ранѣ Леономъ Дюги идеѣ двухпалатной системы (палата на основѣ «личнаго» и на основѣ «реальнаго» представительства), представляется намъ единственно правильнымъ*).

Въ связи съ субъективнымъ характеромъ личнаго представительства, какъ господства механически слагающейся изъ множества одинаковыхъ интересовъ общей воли, стоитъ и старинное обвиненіе противъ демократіи въ томъ, что она есть господство некомпетентности. Высказанное въ древности еще Сократомъ и Платономъ, оно нынѣ все чаще и чаще повторяется представителями даже такихъ теченій (какъ наприм., гильдейскими социалистами), которыхъ отнюдь нельзя заподозрить въ измѣнѣ идеѣ правового равенства или даже идеѣ «релятивизма», къ которой, какъ мы видѣли выше, сводится существо демократіи. Конечно, въ идеѣ своей система всеобщаго личнаго избирательнаго права даже въ эпоху утопической вѣры въ реальность метафизически существующей, готовой «общей воли», понималась, какъ средство отбора наиболѣе свѣдущихъ носителей власти, не только *выражающихъ* суммированную изъ одинаковыхъ интересовъ отдѣльныхъ гражданъ «волю всѣхъ», но и *знающихъ* «общую волю», т. е. *объективный интересъ культуры*, какъ таковой. И надо признать, что на дѣлѣ, въ эпоху своего расцвѣта, демократія не только во времена Перикла, но и въ наше время оправдывала эти ожиданія, выдвигая къ власти достаточное число компетентныхъ людей. Господство партійныхъ организацій, однако, все болѣе и болѣе угрожаетъ этому нормальному функционированію

*) Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній отмѣтимъ, что система представительства реальныхъ интересовъ, конечно, ничего общаго не имѣетъ съ совѣтской системой избирательнаго права (какъ это прекрасно видитъ и Макдональдъ). Послѣдняя есть типичная система личнаго представительства со сложнымъ цензомъ, обеспечивающимъ господство одной политической партіи. Это и вполнѣ понятно, т. к. въ основѣ породившей ея идеологіи лежитъ та же механическая концепція общества.

системы личного представительства. Поражающій ростъ какъ муниципальных, такъ и въ центральныхъ государственныхъ органахъ бюрократіи обусловливается въ значительной мѣрѣ этимъ процессомъ вырожденія демократіи. Демократіи угрожаетъ участь быть поглощенной ею порождаемой бюрократіей. И причина этого отнюдь не въ «универсальномъ характерѣ» современныхъ политическихъ партій, какъ полагаетъ М. Острогорскій. Она существеннымъ образомъ коренится въ самой системѣ личного представительства, имѣющей въ качествѣ своей теоретической предпосылки механическую концепцію общества, которая и является границей новаго либерализма.

Распространеніе избирательнаго права на коллективные личности, на союзы-общности, являющіяся носителями *общихъ, т. е. объективных* интересовъ хозяйства и культуры, имѣетъ такимъ образомъ своимъ сокровеннымъ мотивомъ не измѣну демократіи, а ея сохраненіе. Оно не отмѣняетъ того, что составляетъ существо современной демократіи, ея «релятивизма», т. е. такого качественія власти, которое признаетъ, что «общая воля» народа есть непрерывно создаваемый предметъ дѣйствія, на который должны быть направлены усилія всѣхъ участвующихъ въ творествѣ народной культуры силъ общества, и что изъ этого процесса созданія общей воли не должны быть исключены даже въ меньшинствѣ находящіеся участники послѣдняго. Представительство реальныхъ интересовъ не есть поэтому абсолютная система государственнаго устройства. Оно есть только средство, значеніе котораго усиливается въ мѣру роста въ современной дѣйствительности союзовъ-общностей, этихъ новыхъ коллективныхъ личностей все болѣе и болѣе организующагося и разслабляющагося общества. Оно есть средство обезпечить господство объективности и, значитъ, компетентности при сохраненіи «релятивизма» демократіи*). Этой своей стороной оно правда уже выходитъ за предѣлы новаго либерализма и соприкасается съ сокровенными мотивами социализма.

Въ самомъ дѣлѣ, распространеніе избирательнаго

*) Срв. слова *Клемансо*, цит. у *Дюги*, *Les transform. generales du droit public*, 1913, стр. 35: «Признаемъ же смѣло: демократія не есть правленіе числа... Демократія должна быть правленіемъ разума».

права на союзы-общности есть не что иное, какъ отраженіе въ политическихъ формахъ разсмотрѣннаго выше экономическаго процесса «соціализаціи» собственности въ установленномъ нами смыслѣ слова. «Соціализація» означаетъ органической процессъ *объективации собственности*, т. е. превращенія ея, съ притупленіемъ присущаго ей нынѣ жала эксплуатаціи, въ чистое, служащее исключительно объективнымъ дѣлямъ хозяйства, орудіе производства. Одновременно она означаетъ и все возрастающую *индивидуализацію собственности*, какъ института, вслѣдствіе очищенія активно-творческаго хозяйственнаго интереса собственника къ вещи отъ искажающихъ его нынѣ примѣсей. Вызываемое этимъ естественное перераспределеніе собственности въ направленіи расширенія собственности, принадлежащей многообразнымъ коллективнымъ лицамъ (союзамъ-общностямъ), требуетъ и соответствующаго отраженія въ плоскости политической. «Объективация власти», т. е. господство компетентности есть та имъ образомъ оборотная сторона объективации собственности, къ которой и сводится подлинный смыслъ ея («соціализація»*). И дѣйствительно сокровеннымъ мотивомъ социализма, который даже въ марксизмѣ не вполне заглушенъ присущей послѣднему механической концепціей общества, является именно это стремленіе къ *господству объективности*. Очень удачно Радбрухъ формулируетъ замыселъ социализма въ схемѣ общаго дѣла, т. е. *общности* объединяющей творческой трудъ отдѣльныхъ людей *объективной задачи*, въ работѣ надъ которой каждый членъ общества занимаетъ свое незамѣнимое, т. е. индивидуальное мѣсто, уподобляя ее образу средневѣковаго собора и

*) Философской предпосылкой къ уясненію параллельности процесса объективации и индивидуализации является произведенное въ новѣйшей философіи (въ сущности сдѣланное уже Фихте) разграниченіе понятія *качественной общности* въ смыслѣ объективности и *всеобщности* въ смыслѣ *механическаго* сложения множества одинаковаго. Смѣшеніе той и другой лежитъ въ основѣ и всѣхъ механическихъ концепцій общества. Уясненіе ихъ различія ведетъ напротивъ къ пониманію объективной общности, какъ всеединства индивидуальнаго. Срв. наши «Основы педагогики», а также нашу статью о «Трудовой школѣ и Dalton Plan'ѣ» (Русская школа за рубежомъ, № 5-6), въ которой въ области педагогики проводится та же мысль о совпаденіи процесса подлинной социализации съ процессомъ индивидуализации.

противопоставляя ее либеральной схемѣ «общаго договора», какъ охраны одинаковыхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, и консервативной схемѣ *организма*, какъ односторонняго господства метафизически уединеннаго цѣлаго общества, безразличнаго къ отдѣльнымъ лицамъ, изъ которыхъ оно слагается*). Этотъ замыселъ преслѣдовали и коммунизмъ Платона и социализмъ Сень-Симона. Но если они, въ своемъ стремленіи обезнечить господство въ государствѣ объективныхъ, сверхличныхъ началъ жизни, пожертвовали личностью и ея свободой, то нынѣ задача заключается въ томъ, чтобы сочетать общность съ индивидуальностью, объективность цѣлаго со свободой отдѣльнаго члена этого цѣлаго. Въ интересахъ самой свободы, понятой какъ творческая активность лица, и ради сохраненія демократіи, какъ совокупнаго исканія общей воли, демократія должна преобразоваться въ направленіи объективации власти черезъ привлеченіе къ участию въ процессѣ созданія общей воли коллективныхъ лицъ, какъ носителей объективированныхъ, «соціализованныхъ» интересовъ. Для этого, правда, надо отказаться отъ механической концепціи общества и надо признать, что система личного представительства есть не догма демократіи, а только исторически-ограниченное и условное ея средство, но отнюдь не надо отказаться отъ «формализма» и «релятивизма» демократіи. Далекій отъ того, чтобы быть виною ея «кризиса»,**) релятивизмъ демократіи въ установленномъ выше смыслѣ слова есть, напротивъ, ея вѣчная правда. Ибо онъ вытекаетъ изъ самаго существа права, какъ *ограниченной и относительной области*, только обезпечивающей, но не замѣняющей свободную дѣятельность людей, направленную на творчество въ области болѣе безусловныхъ цѣнностей.

Этотъ релятивизмъ, какъ методъ историческаго властвованія, дѣйствительно вытекающій изъ самаго существа либерализма, ничего общаго не имѣетъ съ философскимъ релятивизмомъ, отрицающимъ наличие въ жизни безусловныхъ началъ. Напротивъ, онъ существенно связанъ съ утвержденіемъ послѣднихъ, и только съ его помощью можетъ быть обуздано то, что мы можемъ па-

*) Срв. G. Radbruch, Kulturlehre des Socialismus, В. 1922.

**) Срв. П. Новгородцевъ. Кризисъ демократіи въ «Софин» № 1, 1923 г.

звать должнымъ *экономизмомъ современной жизни*, нарушающимъ естественную іерархію объективныхъ цѣнностей культуры. Тѣмъ самымъ мы подходимъ къ послѣднему пункту, въ которомъ для насъ заключается ограниченность новаго либерализма и необходимость выхода за его предѣлы.

Основное зло современнаго общественнаго строя, которое новый либерализмъ стремится устранить въ предѣлахъ правового государства и которое мы обозначили терминомъ *эксплоатаціи*, слагается, какъ мы знаемъ, изъ двухъ моментовъ: это, во первыхъ, отсутствіе того минимума благополучія, безъ котораго невозможна дѣйствительная непроницаемость личности, гарантирующая ей непревращеніе ея въ простое орудіе удовлетворенія чужихъ потребностей. Новый либерализмъ имѣетъ прежде всего въ виду эту сторону «эксплоатаціи», и мы видѣли выше, какъ, стремясь обезпечить личности права на достойное существованіе, онъ углубляетъ понятія правовой свободы, равенства, собственности, охранительной дѣятельности государства, какъ органа права, и «общей воли», какъ «суверенитета» права», и взрываетъ тѣмъ самымъ извнутри механическую концепцію общества, какъ простого агрегата конкурирующихъ другъ съ другомъ физическихъ лицъ. Плѣснанный, однако, самъ этой послѣдней концепціей, онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ второй моментъ «эксплоатаціи», пока еще вполне заслоняемый первымъ, но по мѣрѣ ослабленія перваго неизбежно выступающій на передній планъ. Мы имѣемъ въ виду ту полную приравненность труда товару, которая составляетъ характерную черту именно капиталистическаго строя и въ которой также, какъ и въ отсутствіи минимума личной непроницаемости, проявляется обезличивающее человѣка превращеніе его въ вещь. Выше эта приравненность труда мертвому капиталу сказывается въ совершенной безучастности рабочаго къ процессу производства, въ его чисто пассивной роли въ немъ, въ силу того, что какъ условія работы, такъ и цѣль производства односторонне опредѣляются предпринимателемъ. Правда, и этотъ послѣдній рѣдко опредѣляетъ условія труда и цѣль производства. Большею частью они опредѣляются объективно рынкомъ, субъективно — стремленіемъ къ наживѣ. Обезличеніе рабочаго въ вещь есть частный случай болѣе общаго явленія — производства ради реали-

заціи максимальной «цѣнностной разности», производства не на потребителя, а на неопредѣленный рынокъ. Въ этой финальной неопредѣленности хозяйственной дѣятельности, въ этомъ неустанномъ накопленіи ради накопленія, въ дурной безконечности лишь причинно обусловленнаго процесса созданія цѣнностной разности Зомбартъ справедливо усматриваетъ «духъ капитализма». Обезличеніе человѣка есть оборотная сторона господства безличнаго товара, стремленія создавать товаръ ради самого товара, скорѣе предупреждая потребности, чѣмъ удовлетворяя ихъ. Иначе говоря, оно есть слѣдствіе ложнаго экономизма жизни: хозяйство, забывъ свою служебную роль въ культурѣ, свое подчиненное положеніе въ іерархіи культурныхъ цѣнностей, объявляетъ себя въ капитализмѣ самоцѣлью. Изъ простаго средства, обеспечивающаго развитіе культуры, изъ орудія удовлетворенія культурныхъ потребностей оно становится господиномъ культуры и ея гегемономъ. Милліоны людей вовлечены въ работу, которая оправдана только субъективной страстью къ наживѣ и, объективно не оправданная, выполняется ради безличнаго и невѣдомаго Ничто. Поскольку можно гозорить объ интуитивной предрасположенности рабочихъ къ социализму, то именно этотъ мотивъ возмущенія противъ невѣдомой и безликой власти капитала является, пожалуй, нравственно наиболѣе дѣйственнымъ*). Замѣчательно, что правоту его признають отнюдь не одни только социалисты и анархисты, но и многіе рѣшительные противники послѣднихъ, — въ частности, вся русская философія, начиная съ Влад. Соловьева**).

Новый либерализмъ не ставитъ своей задачей борьбу противъ «духа капитализма». Борьба съ гегемоніей хозяйства въ общественной жизни и низведеніе его на приличествующее ему служебное положеніе означали бы конкретно предписанія со стороны государственной

*) Срв. превосходную характеристику настроенія современнаго «сознательнаго рабочаго» въ статьѣ Флитнера «Высшая народная школа въ Германіи» («Русская Школа за рубежомъ» № 5-6).

**) Срв. Влад. Соловьева О правданіе Добра, гл. XVI. Практически близкій къ новому либерализму, Соловьевъ (первый въ русской литературѣ признавшій «право на достойное существованіе» при сохраненіи индивидуальной свободы) этимъ именно мотивомъ своей соціальной философіи отличается отъ либерализма.

власти самихъ цѣлей хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ гражданъ. А это явно привело бы къ замѣнѣ идеи Права идеей Блага и къ неминувому отказу отъ основного принципа правового государства. Съ другой стороны, однако, нельзя отрицать, что практическая программа новаго либерализма, которая, какъ мы знаемъ, можетъ быть понята какъ провозглашеніе идеи Права минимумомъ Блага, сама собою ведетъ къ извѣстному обузданію хозяйства, хотя и не ставитъ себѣ прямой цѣлью борьбу съ его гегемоніей. Въ самомъ дѣлѣ, принципиальная охрана труда, составляющая основную часть программы новаго либерализма, есть не что иное, какъ запрещеніе приравнивать трудъ человѣческой товару. Практика тарифныхъ договоровъ лишаетъ трудъ его характера чисто пассивнаго товара и придаетъ договору о наймѣ все болѣе и болѣе смыслъ обмѣна услугами двухъ *равноправныхъ* сторонъ. Запрещеніе государственною властью пріобрѣтенія цѣнностей различія путемъ производства явно опасныхъ или вредныхъ товаровъ напоминаетъ хозяйству объ его только служебной роли. Въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ и налоги на предметы роскоши, нѣкоторыя государственныя монополіи и т. д. Наконецъ, также и чисто механическое производство на неопредѣленный рынокъ оказывается во все большей мѣрѣ фикціей экономической теоріи (равно буржуазной и социалистической). Сложный механизмъ современнаго финансоваго капитала и регулированіе государствомъ вышней торговли приводятъ къ тому, что современное производство во все большей степени становится производствомъ на потребителя. Могутъ возражать, что все это — только палліативы, лишь напоминающіе хозяйству объ его служебной роли, но безсильные поставить его на его подлинное мѣсто въ культурѣ, какъ и замѣнить пассивно-безучастную роль труда въ производствѣ. Только переходъ на «потребительное хозяйство» въ состояніи дѣйствительно разрѣшить этотъ вопросъ. Эта идея «*потребительнаго хозяйства*» (Bedarfswirtschaft) пользуется въ послѣднее время особеннымъ успѣхомъ. Ее раздѣляютъ не одни только социалисты (срв. Ратенау, О. Шпант); господствующія теченія социализма, какъ наприм. гильдейскій социализмъ, въ ней видятъ прямо средоточіе всей социалистической программы.

Несомнѣнно, что если что-либо отдѣляетъ социализмъ

отъ либерализма, то именно эта идея потребительнаго хозяйства, долженствующая замѣнить систему конкуренціи въ принятомъ смыслѣ этого слова и связанную съ нею гегемонію хозяйства въ общественной жизни. И дѣйствительно, нетрудно показать, что та «соціализація», или «объективизація» собственности, которую мы выше старались охарактеризовать, и которая въ зародышѣ содержится уже въ новомъ либерализмѣ, сама собою приводитъ къ преобразованію хозяйственной жизни въ направленіи потребительнаго хозяйства и къ низведенію послѣдняго на подобающее ему служебное мѣсто въ іерархіи культурныхъ цѣнностей. Означая послѣдовательное и неуклонное опутываніе собственности правовыми требованіями, внутреннее облагораживаніе ея въ чистое орудіе производства, выполняющее объективную и незамѣнимую общественную функцію, соціализація въ этомъ смыслѣ ведетъ неизбежно къ побѣдѣ надъ духомъ капитализма. Психологія стяжателя, стремящагося прежде всего къ приобрѣтенію цѣнной разности, необходимо должна будетъ уступить мѣсто психологіи исполняющаго свой незамѣнимый долгъ передъ обществомъ индивида, производство *товара* — *удовлетворенію* опредѣленной, конкретной *потребности*. Самая «индивидуализація» собственности, представляющая собою оборотную сторону «соціализаціи» и заключающаяся въ усиленіи творчески-активнаго характера связи лица (какъ физическаго, такъ и коллективнаго) съ вещью, означаетъ постепенное освобожденіе этой вещи отъ подчиненія ея чужому и невѣдомому «рынку» и подчиненіе ея реальной общественной потребности, опредѣляемой высшими культурными цѣнностями: изъ безличнаго товара она становится дѣйствительно матеріальнымъ поприщемъ творческой активности лица, индивидуальность котораго не сможетъ не запечатлѣть на ней печати индивидуальности.

Въ этомъ именно смыслѣ процессъ «индивидуализирующей соціализаціи» собственности идетъ въ направленіи «потребительнаго хозяйства»: это есть не только процессъ раскрыщенія людей отъ рабствованія ихъ вещамъ, но и обратный процессъ *освобожденія вещей*, наложенія на вещи печати индивидуальности. вмѣсто механизации людей онъ приводитъ ко все большому одухотворенію вещей. Но если такъ, то въ тѣмъ большей мѣрѣ и рабочей изъ продающаго свой трудъ пассивнаго наемника необходимо

превращается въ сотрудника и участника хозяйственно процесса, какъ это можно уже и теперь сказать о высшемъ слоѣ «интеллигентнаго пролетаріата».

Не есть ли это дѣйствительно возвратъ къ Средне-вѣковую? Да, если угодно, но на фонѣ безмѣрно увеличившагося богатства и при сохраненіи всего того, что составляетъ незыблемую правду либерализма, на основѣ углубленія и расширенія идеи правового государства. Достаточно ли этой послѣдней для одоленія «духа капитализма»? Не требуетъ ли процессъ «индивидуализирующей социализаціи» собственности полного перерожденія и внутренней психологіи собственника, *религіознаго обновленія* его души? Такъ думаетъ инициаторъ движенія «гильдейскаго социализма» А. Пенти*), такъ думали и до него многіе социалисты. Если даже самый «духъ капитализма» былъ обусловленъ въ своемъ развитіи религіознымъ движеніемъ**), то тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать этого отъ процесса его преоборенія. Наша задача, однако, не въ томъ чтобы гадать и проричать о будущемъ. Религіозное движеніе придетъ, когда исполнится срокъ. Не потому, что оно будетъ вызвано хозяйственной необходимостью, какъ идеологическое отраженіе реального процесса, а потому, что процессъ раскрѣпощенія людей отъ рабствованія ихъ вещамъ подкпоается и подъ ту стѣну, которую ложный экономизмъ современной жизни воздвигнулъ между людьми и ихъ подлиннымъ Господомъ. Пусть окончательное преодоленіе основного зла современнаго общественнаго строя сможетъ быть даровано только религіознымъ обновленіемъ. Было бы искушеніемъ Бога надѣяться на одно только чудо, и забыть о тѣхъ земныхъ средствахъ, которыя находятся въ нашей власти***).

*) Срв. Arthur Penty. The Restoration of the Gild-System. Lond. 1906. Срв. также современное теченіе «религіознаго социализма» въ Германіи: Mennicke, Tillich и др.

**) Срв. извѣстныя статьи Max Weber'a о рожденіи капитализма изъ духа пуританской этики, включенныя нынѣ въ Собр. сочиненій, изд. подъ ред. Мар. Веберъ.

***). Какъ это дѣлаютъ наши религіозные философы (Н. Бердяевъ и др.), которые, въ противоположность Влад. Соловьеву, ограничиваются простымъ призывомъ къ религіозному возрожденію души, въ области же земнаго устройства общества и государства даютъ только огульную критику всѣхъ инакомыслящихъ

Самымъ мощнымъ изъ этихъ средствъ, какъ мы старались показать выше, является *право*. Только оно способно *обуздать хозяйство*, поставить его на его надлежащее мѣсто въ культурѣ и расчистить почву для новой «органической» эпохи, въ которой господствовали бы «объективныя начала». Но это оно можетъ сдѣлать потому, что идея права и заложенная въ ней идеи свободы, личности, собственности, равенства далеко не исчерпаны тѣмъ, что открыли намъ въ нихъ классическій и даже новый либерализмъ. Идеи эти должны быть освобождены отъ исторической ограниченной механической концепции общества. Тогда *свобода* откроется намъ не какъ произволь себѣ довлѣющаго атома Демокрита, а какъ растущая сила *творческой активности*, *Личность* — какъ движеніе къ сверхличнымъ, *объективнымъ* началамъ жизни, *Равенство* — какъ равнолѣнность незамѣнимыхъ въ своемъ *Различіи* личностей и *Собственность* — какъ служеніе *Общности*. Уясненіе сокрытой въ этихъ понятіяхъ обращенности ихъ къ ихъ видимымъ противоположностямъ разоблачитъ намъ и всю мнимую иллюзорность традиціоннаго противопоставленія индивида обществу и индивидуализаціи — социализаціи. Поскольку новый либерализмъ расчищаетъ путь къ такому пониманію и практически утверждаетъ его, онъ правъ, и громадная историческая заслуга его безспорна. Поскольку онъ остаивается на полпути и не рѣшается сдѣлать всѣхъ выводовъ изъ имъ же зачатого движенія, онъ исторически ограниченъ и долженъ, чтобы остаться вѣрнымъ самоу себя, переродиться. Мы старались обосновать, почему этотъ отбросившій механическую концепцію общества и вышедшій за свои собственные предѣлы либерализмъ мы предпочитаемъ называть «правовымъ социализмомъ». Онъ не только разрѣшаетъ проблему, питающую социализмъ и сообщающую ему его нравственный пафосъ, но приближается на основѣ правового государства къ тому, что предносилось мысли его лучшихъ представителей.

безъ сколько-нибудь опредѣленнаго и вразумительнаго изложенія собственныхъ социальнo-политическихъ взглядовъ.

Что самый социализм со своей стороны все болѣе эволюционируетъ къ тому же предѣлу, и что онъ отличается отъ него не поскольку онъ противопоставляетъ себя либерализму, а поскольку, напротивъ, раздѣляетъ предразсудки послѣдняго, — это мы попытаемся показать въ слѣдующей статьѣ.

С. I. Гессенъ